

Как мы умудрились перепутать чемоданы — ума не приложу. Конечно, они были совершенно одинаковые: кожаные, черные, с полосой металлического цвета. Таких чемоданов в поезде не один десяток. Состав не спеша подбирался к вокзалу, и я выставила чемодан поближе к двери купе, а сама, положив сумку на колени, устроилась возле столика и таращилась в окно. Сердце неожиданно забилось часто-часто, точно мне предстояла встреча с любимым человеком после долгой разлуки, а губы сами собой сложились в улыбку. Мне не терпелось выйти на перрон, вздохнуть полной грудью, а потом идти куда-нибудь, радуясь знакомым местам и подмечая перемены.

— Наташенька, да вы волнуетесь, — улыбаясь, заметил Геннадий Сергеевич, мой сосед по купе, очень милый человек с манерами старого барина.

— Волнуюсь, — кивнула я. — Даже самой удивительно.

— За двенадцать лет многое изменилось, — вздохнул он. — И все же надеюсь, что город вас не разочарует.

Вагоны замерли, потом дважды дернулись и очень медленно подползли к перрону.

— Ну вот. — Геннадий Сергеевич достал свой чемодан, улыбнулся, точно желая меня подбодрить, распахнул дверь купе и подхватил оба чемодана. — Что ж, Наташенька, с возвращением на родину.

— Спасибо. — Я шагнула вслед за ним, повесив на плечо сумку. — Геннадий Сергеевич, вы не беспокойтесь, чемодан я сама понесу.

— Нет-нет, обижаете, молодая женщина с большим чемоданом в окружении мужчин — мое сердце не выдержит такого зрелища. Так что, сударыня, хотите вы того или нет, а я вас немного провожу, конечно, если вы доверяете свою собственность такому типу, как я.

Он засмеялся, а я, продвигаясь вслед за ним к тамбуру, хмыкнула и сказала в ответ:

— На подозрительного типа вы совершенно не похожи.

— Вот и отлично.

Пассажиры покидали поезд, кто-то улыбался, кто-то хмурился, суетливо оглядывался, высматривая родных на перроне. Мне высматривать было некого, но все равно я вертела головой и неизвестно чему улыбалась.

Вокзал был новым, по крайней мере раньше он выглядел иначе: приземистое здание с колоннами и широкой лестницей, узкие стрельчатые окна с лепниной, по фасаду затейливый орнамент из пятиконечных звезд, лент и снопов пшеницы. В детстве я любила его рассматривать в ожидании электрички, когда мы отправлялись на дачу в пятнадцати километрах от города.

— Гена, — услышала я совсем рядом и вздрогнула от неожиданности.

Высокая женщина с пышной прической появилась откуда-то сбоку. Геннадий Сергеевич поставил чемоданы и с улыбкой обнял ее.

— Как доехал? — торопливо спрашивала женщина. — Как твой желудок? Ты лекарство принимал?

— Разумеется. — Геннадий Сергеевич слегка отстранился и повернулся ко мне: — Наташенька, это Софья Васильевна, моя супруга.

— Очень приятно, — кивнула я.

Софья Васильевна взглянула на меня мельком и подхватила мужа под локоть:

— У Сашеньки неприятности, представь...

— Подожди, Соня... — Геннадий Сергеевич вновь повернулся ко мне.

А я торопливо подхватила свой чемодан:

— Спасибо вам большое, дальше я сама.

— Давайте я донесу ваш чемодан до стоянки такси, — предложил мой любезный попутчик.

— Нет-нет, не беспокойтесь. Мне нужно позвонить. Думаю, на вокзале есть таксофоны.

— Конечно, есть, — поддержала Софья Васильевна.

Мы простились, Геннадий Сергеевич с супругой направились вдоль перрона к стоянке такси, а я, толкнув тяжелые двери, вошла в здание вокзала, огромного, гулкого, со скользкими мраморными плитами под ногами. Я шла, хлопая по щиколотке тяжелым чемоданом, и высматривала телефон. Сумка то и дело соскальзывала с плеча. Надо было засунуть ее в чемодан, немного денег на такси оставить в карма-

не: одна рука будет свободна, и с чемоданом станет меньше проблем.

Тут я увидела таксофоны и направилась к ним. Для весеннего времени на вокзале было не так уж многолюдно, может, оттого, что сезон отпусков еще не начался. Я приткнула чемодан у стены, в кассе купила жетоны, стараясь не терять чемодан из виду, достала из сумки записную книжку и авторучку и набрала номер городской справочной. Меня интересовали гостиницы. Кататься по городу с тяжелым чемоданом представлялось глупым, поэтому я решила для начала справиться по телефону, где есть свободные номера. В первой же гостинице мне повезло: номера были, причем по скромной цене, как раз то, что мне нужно.

Гостиницу «Заря» я хорошо помнила (разумеется, если ее за это время не успели перестроить, как железнодорожный вокзал) — пятиэтажное здание почти в центре города, тоже с колоннами и лепниной по фасаду (застройка центра в основном пришлась на пятидесятые годы, и это наложило печать на его облик). Устроюсь в гостинице, приму ванну, а потом отправлюсь на пешую прогулку по городу. Весь день сегодня можно бездельничать. Надо, конечно, заняться поисками квартиры и попробовать узнать, как здесь насчет работы, но это все завтра. Радуюсь тому, что пока все складывается удачно, я переложила паспорт и сотенную купюру в карман джинсов и открыла чемодан с намерением убрать в него сумку. Вот тут меня и ждал сюрприз. Чемодан вовсе был не моим!

— Ну надо же, — простонала я. — Вот тебе и повезло.

Не зря говорят: хочешь, чтобы везение тебе изменило, — вспомни о нем. Язык-то без костей... Копаться в чужом чемодане неприлично, только что же поделаешь, раз я должна как-то найти его владельца. Хотя всю дорогу мы с Геннадием Сергеевичем мило беседовали и даже успели поведать друг другу истории своих жизней, однако я не знала ни его фамилии, ни где он живет, даже номера телефона он не оставил, и теперь я надеялась только на то, что в чемодане окажется паспорт или иные бумаги, позволяющие найти Геннадия Сергеевича в большом городе. Испросив у Господа благословения и поддержки, я принялась рыться в чемодане. Господь благоволил ко мне: в кармашке с левой стороны лежала записная книжка, а в ней визитки. С облегчением я прочитала: «Соломахин Геннадий Сергеевич» и номера телефонов, служебный и домашний.

Я торопливо набрала номер, но телефон ответил длинными гудками. Неудивительно: если Геннадий Сергеевич живет далеко от вокзала, то он не успел добраться до дома даже на такси.

— Ничего страшного, — сказала я себе и устроилась на скамейке. — Главное, что телефон у меня есть.

Я взглянула на часы, достала из сумки книжку и приготовилась терпеливо ждать. Но читать так и не смогла: смотрела за окна на вокзальную площадь, торопливо проходящих мужчин и женщин, сквер слева с большим фонтаном, голубей, важно расхаживающих по тротуару, троллейбусы, с гулом проносящиеся мимо, и памятник Ленину в самом центре площади. Может, сдать чемодан в камеру хранения и немного про-

гуляться? На то, чтобы приехать на вокзал, Геннадия Сергеевичу потребуется время... Нет, лучше держаться ближе к телефону, вдруг он живет недалеко и вскоре окажется дома?

Хоть я и уговаривала себя быть терпеливой, но то и дело вскакивала со скамейки и звонила. В один из таких моментов мне и показалось, что кто-то пристально наблюдает за мной. Я набрала номер и вдруг непроизвольно поежилась: чувство было такое, будто кто-то сверлит взглядом мой затылок. Я торопливо обернулась, выискивая любопытного. Не так много пассажиров, ждущих отправления своих поездов: кто-то дремлет, кто-то читает, кто-то смотрит в окно, как я. Никому до меня никакого дела. И все-таки странное чувство не проходило.

Я вернулась на скамью, сделала вид, что читаю, а сама принялась обшаривать глазами пространство перед собой. Совершенно никакого интереса к моей особе. «Чепуха, — вздохнула я. — Даже если кто-то и смотрит, что с того? Человек, как и я, мучается бездельем, вот и пялится в чужую спину. Чудаков хватает». Однако мысли эти не успокаивали, а необъяснимая тревога все нарастала, поэтому, в очередной раз набрав номер телефона, я невероятно обрадовалась, услышав голос Геннадия Сергеевича.

— Наташенька, какая вы молодец, — сказал он. — А я, старый дурак, умудрился перепутать чемоданы. Ну что ты будешь делать...

— Геннадий Сергеевич, вы извините, мне пришлось в вашем чемодане покопаться.

— Слава богу, что визитки были там, не то пришлось бы мне рыскать по всем гостиницам в поисках красавицы Натальи, фамилии кото-

рой я не знаю. Наташенька, простите старика, я через полчаса подьеду.

— Не торопитесь, Геннадий Сергеевич, я в зале, где кассы на поезда дальнего следования, возле таксофонов.

— Лечу, лечу, — заверил он, а я с облегчением вздохнула. Полчаса — не так много.

Геннадий Сергеевич приехал даже раньше, через двадцать пять минут. В окно я видела, как возле ступеней остановились синие «Жигули», из них показался Геннадий Сергеевич, а за ним толстый-толстый дядька, он открыл багажник и достал мой чемодан. На радостях я подхватила чемодан Геннадия Сергеевича и бросилась к выходу. Здесь мы и встретились.

— Наташенька, ради бога извините...

— Ничего страшного, главное, что мы быстро нашлись, — улыбнулась я. Мы обменялись чемоданами, посмотрели на них и засмеялись.

— Опять бы не перепутать, — покачал головой Геннадий Сергеевич. — Вы решили, в какую гостиницу поедете?

— Да. В «Зарю».

— Это немного не по пути... — начал он.

Я перебила:

— Нет-нет. Спасибо, я доберусь. Не то мы в самом деле опять чемоданы перепутаем. Стоянка такси в трех шагах. Еще раз спасибо.

— Это вам спасибо, — сказал он и направился к синим «Жигулям», а я к стоянке.

День был жаркий, несмотря на конец апреля. Пройдя метров тридцать, я остановилась и сняла плащ, перекинула его через руку. Но так обе руки оказались заняты, и я решила убрать его в чемодан вместе с сумкой — она продолжа-

ла сползать с плеча и уже начала действовать на нервы. В общем, я добрела до скамейки, поставила на нее чемодан и... Кто-то вдруг толкнул меня и рванул сумку так, что ремешок выскользнул из рук. Я вскрикнула, качнулась и, повернув голову, увидела спину мальчишки, который со всех ног улепетывал по тротуару, размахивая моей сумкой.

— Стой! — отчаянно крикнула я, хотела было броситься за ним, но вспомнила про чемодан и только тяжело простонала. В этот момент от толпы, ждущей сигнала светофора, отделилась женщина. Мальчишка как раз поравнялся с ней, он намеревался пересечь площадь, не обращая внимания на светофор, но женщина ловко выставила ногу — шустрый воришка споткнулся, едва не упал, уронил сумку, женщина молниеносно ее подхватила, а мальчишка, восстановив равновесие, бросился бежать под громкие крики толпы.

Женщина направилась в мою сторону, а я с облегчением вздохнула.

— Ваша? — спросила она, протягивая сумку.

— Моя. Спасибо. Я даже сообразить не успела...

— Хорошо, что следом за паршивцем не кинулись, остались бы без чемодана. Зевать здесь нельзя, такие специалисты работают, что только диву даешься.

— Спасибо, — еще раз повторила я, глядя на женщину с большой признательностью и понятия не имея, как ее словесно выразить, разве только еще раз пять повторить все то же «спасибо».

Женщина была лет на семь старше меня. До-

рогой костюм, модная стрижка... В ней чувствовались уверенность и желание повелевать. Она тоже оценивающе разглядывала меня, улыбаясь краешками губ. Я наконец-то убрала злополучную сумку и плащ в чемодан и теперь в нерешительности переминалась с ноги на ногу. Уйти — вроде бы невежливо, а продолжать разговор мне не хотелось. Я покосилась в сторону стоянки такси.

— Издалека? — спросила женщина.

— Из Душанбе, — ответила я, а она по-мальчишески свистнула.

— В командировке были?

— Нет, жила там. А вот теперь сюда.

— В отпуск?

— Как получится. Вообще-то, думаю, навсегда. Я здесь родилась.

— Остановиться собираетесь у родственников?

— У меня здесь даже знакомых нет. Поеду в гостиницу. «Заря» — это ведь в центре? Я не путаю?

— Не путаете. Идемте со мной, — вдруг сказала моя новая знакомая. — Я на машине, мне как раз в центр надо. Довезу. Чемодан у вас на вид тяжелый.

— Спасибо, я на такси, — торопливо заверила я.

— Да бросьте вы, мне ж это ничего не стоит. — Она сделала несколько шагов, оглянулась, подмигнула весело и махнула рукой.

Подхватив чемодан, я зашагала следом. По ту сторону площади, неподалеку от сквера располагалась стоянка легковых автомобилей. Жен-

щина уверенно направилась к ярко-красному «Опелю», по виду совершенно новому.

— Машину водите? — спросила она, заметив мой заинтересованный взгляд.

— Да. У меня были «Жигули», пятая модель. Пришлось продать.

— Что так? — удивилась женщина.

Я пожала плечами:

— Деньги нужны. Я ведь собралась сюда перебираться, да и перегонять машину в такую даль смысла нет.

— Это точно.

Она убрала мой чемодан в багажник и открыла передние двери. Мы сели, пристегнулись, и женщина завела машину.

— А я маме билеты заказывала, — ни с того ни с сего сообщила она. — Мама у меня на юг собралась, в Сочи. Говорит, в мае народу поменьше, купаться она не любит, а загорать в самый раз. — Я кивнула, не зная, что ответить на это. — Меня Светланой зовут, — вдруг спохватилась женщина.

— А меня Наташей, — представилась я и добавила: — Очень приятно.

Она лихо вырулила со стоянки и на весьма приличной скорости покинула вокзальную площадь.

— Значит, вас на разведку послали? — через минуту поинтересовалась она. — Устройтесь, а там и семейство переберется? Говорят, в Душанбе беспокойно, русские уезжают.

— Беспокойно, — вздохнула я. — Только все мое семейство — это я.

— Как так? А родители?

— Отца я с пяти лет не видела, даже не знаю,

где он. Мама умерла, когда я еще в школе училась. Вот бабушка и забрала меня в Душанбе. Она там во время войны оказалась, в эвакуации, дед погиб, родни ни там, ни здесь, вот бабуля и решила не покидать насиженное место. А мама здесь училась и замуж вышла, потом я родилась...

— А что с бабушкой? Умерла?

— Да. Этой зимой, — кивнула я и отвернулась. Я предпочла бы молча смотреть в окно, но получилось бы неприлично: Светлана вернула мне сумку, любезно предложила подвезти, так что хочешь не хочешь, а разговор поддерживать надо.

— А по специальности вы кто? — продолжала любопытствовать моя спутница.

— В Душанбе работала в аэропорту в таможене.

— Образование высшее?

— Да. Я в Ленинграде училась.

— А чего там не остались?

— Не знаю, — пожала я плечами. — Прежде всего из-за бабушки. Она никуда уезжать не хотела, а одну ее не оставишь.

— Но теперь, когда ее нет...

— Мне всегда хотелось сюда вернуться, — уклончиво ответила я, надеясь, что больше мне ничего не придется объяснять. Это был город моего детства, он казался мне необыкновенно красивым, солнечным, светлым, и было такое чувство, что только здесь меня непременно поджидает счастье.

— А вы знаете, у меня друг — начальник на местной таможене. Если хотите, я с ним поговорю...

— Правда? — не поверила я.

— Конечно. Обещать ничего не могу, с работой сейчас сами знаете как, но если будет возможность...

— Спасибо вам, — торопливо поблагодарила я и всерьез подумала: «Может, вправду мне здесь повезет? По-настоящему?»

— Подождите спасибо говорить, — засмеялась Светлана. — Я еще ничего не сделала. К тому же приятель мой — тот еще тип, работать с ним не сладко...

— Я работы не боюсь, — заверила я. — А начальство хорошим не бывает, на то оно и начальство, чтобы было кого добрым словом помянуть.

— Это точно, — согласилась она, объехала маленький круглый сквер с клумбой в центре и притормозила, а я с волнением узнала гостиницу «Заря». За двенадцать лет здание ничуть не изменилось, даже стены были выкрашены в тот же блекло-зеленый цвет, и мокрые подтеки на фасаде тоже как будто остались с прежних времен. — Ну вот, — сказала Светлана. — Надеюсь, с номером проблем не будет.

— Не будет, — я торопливо кивнула. — Я уже звонила...

— Что ж, тогда всего доброго. — Она помогла мне достать чемодан, а потом, вернувшись в машину, записала на листке бумаги номер телефона. — Вот. Позвоните мне, я почти всегда дома. Я художница, мне ваше лицо понравилось, очень бы хотелось его нарисовать.

— Спасибо, — должно быть, в сотый раз за двадцать минут сказала я, помахала рукой и стала подниматься по лестнице, слыша, как за моей спиной заработал мотор «Опеля». Я еще

раз оглянулась, и Света, выезжая со стоянки, помахала мне в ответ. Вместо безграничной признательности я вдруг почувствовала странное облегчение и самой себе попеняла: «Бабушка была права, ты дичаешь: поговоришь с человеком несколько минут и уже норовишь поглубже в нору забиться. Дремучий ты человек, Наташка». Дремучий или нет, но в обществе я в самом деле не очень нуждалась, на работе было шумно, людно, постоянное напряжение, оттого дома хотелось тишины и одиночества. Ситуация в Душанбе в последние годы к поздним прогулкам по городу не располагала, общение с друзьями в основном сводилось к болтовне по телефону...

Холл гостиницы выглядел пустынно, в углу, возле окна, сидели двое мужчин в форме летчиков, возле газетного лотка стояли женщины, что-то разглядывая, а администратор за стойкой откровенно скучала. Может, поэтому мне она обрадовалась и, пока я заполняла бланк, приветливо улыбалась.

Я получила одноместный номер на третьем этаже. Помнится, когда-то эта гостиница считалась лучшей в городе, по фасаду вечерами вспыхивала неоновая надпись «Интурист», но, как видно, все это осталось в прошлом. Номер, в котором я оказалась через несколько минут, наводил на мысль не об интуристах, а о тщете всего сущего... Обои на стенах давно выцвели и лишились первоначального рисунка, остались только нелепые разводы коричневого цвета, коврик на полу протерся до дыр. Стандартный набор мебели: кровать с розовым покрывалом, кресло, стол, шаткая тумбочка, а на ней цвет-

ной «Рекорд», по виду мой ровесник. Кран в ванной подтекал, вместо туалетной бумаги — старательно нарезанные кем-то листы «для заметок».

— Чудеса, — покачала я головой, глядя на это достижение гостиничного сервиса, и добавила громко: — Ты ведь и не надеялась, что тебя здесь ждут все блага земные и принц-красавец на белом коне в придачу.

Насвистывая, я включила горячую воду и, пока ванна наполнялась, разобрала вещи. Вешалок в шкафу оказалось только три, и это неожиданно развеселило. Чемодан опустел, а гостиничный номер моими стараниями приобрел более-менее жилой вид.

Минут пятнадцать я блаженствовала в ванной, затем, посетив гладильную комнату, облачилась в свой лучший костюм, наспех перекусила в ближайшем кафе и отправилась бродить по городу. Он показался мне необыкновенно красивым, на душе было легко, хотелось беспричинно смеяться. Вернулась я поздно, когда на улицах почти не осталось прохожих, а пустые троллейбусы проносились мимо, торопясь к конечной остановке.

В свете подслеповатой лампочки номер гостиницы казался почти убогим, но и это не испортило мне настроения. Я легла, натянула одеяло до самого носа и закрыла глаза. А потом сказала громко:

— Мне повезет.

Утром я купила все местные газеты и занялась объявлениями. Интересовали меня два раздела: «Работа» и «Квартиры». Путем нехитрых

подсчетов выяснилось, что денег, которые я смогу выручить за трехкомнатную в Душанбе, с трудом хватит на однокомнатную «хрущевку», а пока есть смысл подыскать себе жилье подешевле, гостиница мне очень скоро станет не по карману.

Из объявлений раздела «Работа» мало что могло привлечь мое внимание, но я все же сделала несколько звонков. Особенно выбирать не приходилось, в крайнем случае сойдет и временная работа, а там посмотрим. После обеда я вновь отправилась гулять, а вернувшись около семи, с удивлением услышала, как в номере звонит телефон. Я торопливо открыла дверь, бегом припустилась к столу и схватила трубку.

— Наташа? — Голос по телефону я узнала не сразу и скорее догадалась, что звонит мне вчерашняя знакомая. Впрочем, кто бы еще мне мог позвонить в этом городе?

— Здравствуйте, Светлана, — отозвалась я.

— Как ваши дела?

— В общем, нормально. Как вы меня нашли?

— Из всех гостей в этой гостинице вы одна из Душанбе. Я вот по какому поводу: моя подруга уезжает в Германию на восемь месяцев, сдает квартиру на это время. Оплата сущий пустяк, но есть условие: квартира должна содержаться в чистоте, у подружки это бзик. Впрочем, квартира небольшая, мебели совсем мало, так что выполнить ее условие будет не так трудно. Само собой, квартира с телефоном и в приличном районе, десять минут — и вы в центре. Ну как?

— Здорово, — ответила я.

— Ну вот и отлично. Она уезжает через неделю, это вас устроит?

— Да, конечно. Даже не знаю, как вас благодарить...

— Я ведь уже сказала, мне очень понравилось ваше лицо... Послушайте, Наташа, думаю, немного свободного времени у вас найдется, почему бы вам не заглянуть ко мне в гости? Это недалеко от гостиницы, записывайте адрес... — Не успела я ответить, как Светлана начала диктовать, а потом сказала: — Берите такси — я заплачу — и приезжайте. Жду. Обещаю накормить вас ужином.

«Все художники немного чокнутые», — решила я, глядя на себя в зеркало. Лицо как лицо, в общем-то довольно симпатичное, если не валять дурака и не прибедняться, но такси и ужин — это слишком.

Добиралась я на троллейбусе, решив не злоупотреблять чужой добротой. Дом, где жила Светлана, в самом деле находился неподалеку от гостиницы. Старое и довольно обшарпанное сооружение в три этажа с нелепой пристройкой наподобие башни сбоку. Вот в этой самой башне и находилась нужная мне квартира.

Светлана открыла дверь в заляпанной краской блузке, босая, с белой косынкой на голове.

— Проходи, — бросила она коротко и поцеловала меня в щеку, точно мы лет сто были закадычными подругами.

— Привет, — проямлила я.

Вообще-то я нелегко схожусь с людьми, и сейчас этот резкий скачок к дружбе меня беспокоил. С другой стороны, в этом городе у меня

никого, а Светлана обещала помочь с жильем и даже что-то говорила насчет работы...

— Проходи, сейчас вымою руки и будем чай пить. — Светлана провела меня в огромную восьмиугольную комнату с тремя окнами без занавесок и сказала: — Располагайся, где тебе удобнее, я буквально на пять минут. — Тут она, словно опомнившись, спросила: — Ничего, что я на «ты»? Не возражаешь?

— Нет, конечно, — пожала я плечами.

— Знаешь, я не сторонница всех этих условностей: если мне человек нравится, я так об этом и говорю и вообще доверяю своей интуиции и не считаю обязательным съест с кем-то пуд соли.

Я не знала, что ответить на это, улыбнулась и молча кивнула, давая понять, что с ней согласна. Она исчезла в длинном темном коридоре, а я осмотрелась. Два больших мольберта, картины без рам на стенах, картины на полу, рисунки, краски, пустые тюбики, пластиковые банки, огрызки карандашей и клочья бумаги — полный хаос. Часть комнаты отделяла шаткая деревянная перегородка. Я заглянула за занавеску и увидела продавленную тахту с грязным постельным бельем, старенькое трюмо, на котором стояла бутылка водки — жидкости осталось чуть-чуть на донышке — и граненый стакан. Увиденное мною совершенно не вязалось с обликом Светланы: женщины холеной, элегантной, безусловно не бедной. Покачав головой в недоумении, я вернулась к картинам и не спеша стала их разглядывать. К знатокам живописи я себя не причисляла, но интерес к этому виду искусства у меня всегда был, может, отто-

го увиденное вызвало недоумение: часть картин оказалась детским подражанием Сальвадору Дали, а остальные — весьма незрелыми пейзажами с обилием зеленого. Было несколько портретов, выполненных пастелью, — впечатление такое, что их наспех рисовал художник-самородок морозным днем на улице с плохой фотографии. При этом у меня было странное чувство, что «Дали», пейзажи и портреты принадлежат разным людям — невозможно представить, что это дело рук одного человека. В общем, какое-то случайное собрание абсолютно бездарных работ.

Тут вошла Светлана, я поспешила улыбнуться и отошла от картин.

— Ты увлекаешься живописью? — спросила она.

— Нет, — заверила я, дабы избавить себя от необходимости высказывать мнение о ее картинах. — Ничего в этом не понимаю.

— Но тебе что-нибудь понравилось?

— Да, — кивнула я поспешно и ткнула пальцем в зимний пейзаж. Домишки вразброс и церковь на горе. Стоя под таким углом, колокольня давным-давно бы рухнула, зато сиреневый снег выглядел очень нарядно.

— Эта? — спросила Светлана. — Мне она тоже нравится. Обожаю русскую зиму, а ты?

— Если честно, я от нее немного отвыкла, — усмехнулась я. Светлана все больше и больше вызывала недоумение. И я уже жалела, что пришла. — В Питере, а тем более в Душанбе зиму трудно назвать «русской».

— Я забыла, откуда ты приехала, — засмеялась Светлана. — Идем пить чай.

Она повела меня на кухню, выглядевшую такой же захлавленной, как и комната, слава богу, хоть чашки были чистые. Чай пили с халвой и яблочным вареньем.

— Я звонила подруге, — сказала Светлана. — В среду ходим, посмотришь квартиру. Коммунальные платежи рублей сто, и мне будешь каждый месяц отдавать сотню. Дешевле ничего не найдешь. — С этим было трудно не согласиться. — К тому же я могу и подождать. Так что проблем у тебя возникнуть не должно. Со своим приятелем из таможни я тоже говорила, пока ничего конкретного, но помочь обещал. Дашь мне копию диплома и выписку из трудовой. Думаю, работу он тебе подыщет.

— Это было бы здорово, — сказала я, испытывая странную неловкость. Точнее, забота Светланы казалась мне странной, хотя чему удивляться: люди разные, иногда встречаются бескорыстные... почему-то очень редко, как правило, все хотят что-то взамен. В настоящий момент я пыталась отгадать, чего хочет Светлана. Она непринужденно рассказывала о себе, о своих друзьях, я слушала, кивала и выжидала время, когда можно будет проститься и уйти.

Около десяти я решила, что вполне могу откланяться, и тут в дверь позвонили. Светлана как раз мыла посуду и попросила:

— Открой.

Я распахнула входную дверь и увидела двух молодых людей. Один держал в руках четыре бутылки пива, другой кильку в целлофановом пакете в левой руке, в правой набор пирожных, а в зубах желтую розу с очень длинным стеблем.

— Привет, — улыбнулся он. — Васильевна трудится?

— Посуду моет, — ответила я.

— Вперед, — радостно скомандовал парень, и они пошли на кухню.

Светлане вручили пирожные, потом розу и кильку, а я подумала: «Самое время сматывать-ся». Но не тут-то было — все трое дружно принялись приглашать меня посидеть немного, в результате мы оказались за большим столом в мастерской. Я выпила пива, чтобы избавиться от докучливого потчевания, улыбалась и приглядывалась к гостям. Того, что принес в зубах розу, звали Игорь, он был выше среднего роста, худошавый, с маленькой бородкой и смеющимися глазами. Наверняка Игорь был душой общества, он сыпал остротами и изо всех сил старался произвести впечатление. Второй, Виктор, выглядел старше, глаза с поволокой, блуждающая улыбка, многозначительные замечания, которые высказывались почти шепотом, насмешливо и как бы невзначай. Оба художники, готовились к какой-то выставке и заинтересованно обсуждали свои дела, но из уважения ко мне тему быстро сменили. А недоумение мое все росло: во-первых, к Светланиной живописи они, судя по всему, относились серьезно, и это попросту обескураживало, во-вторых, опыт общения с творческой интеллигенцией давно укрепил меня в мнении, что говорить эти люди могут только о себе и своих делах, ругать, редко хвалить или спорить, но только о своем, сиди рядом хоть Мата Хари. Исключение делалось для людей, которые чем-то могли быть полезны (например, денег дать). У меня с деньгами туго,

так что оставалось гадать, что скрывается за такой фантастической любезностью.

В одиннадцать я твердо заявила, что мне пора. Оба гостя высказали желание меня проводить, поднялись и, недовольно переглянувшись, потопали к двери.

— Ты произвела впечатление, — шепнула мне Светлана таким тоном, точно сообщала о миллионном выигрыше в лотерею. Я ее восторг совершенно не разделяла и, оказавшись на улице, остановила первую же машину, торопливо попрощалась с мужчинами и отбыла в гостиницу.

Всю следующую неделю Светлана звонила мне ежедневно, несколько раз навещала (один раз в сопровождении Игоря) и всячески выказывала заботу. Меня это начинало тяготить. Под разными предлогами я уклонялась от встреч с ней и без конца звонившими мне Виктором и Игорем, чем вызвала ее недовольство.

— Найду я тебе работу, — очень резко сказала она, когда я в очередной раз пряталась от посиделок. — Почему бы тебе не отдохнуть немного?

— Если честно, я еще устать не успела, — ответила я и начала подумывать о том, что, может, есть смысл подыскать квартиру и переехать, не ставя об этом в известность Светлану. Но в общем-то виделись мы не так часто: я целыми днями рыскала по городу в поисках работы, и застать меня в гостинице было трудновато.

В пятницу Светлана пришла довольно поздно, где-то около десяти, устроилась в кресле и, глядя на меня с некоторым недовольством, вдруг спросила:

— Ты что-нибудь слышала о выходных днях?

— Ну, в общем, да, — засмеялась я.

— Весной и летом люди обычно проводят их за городом. А завтра, между прочим, суббота. У моего приятеля дача на Сергиевском озере. Безумно красивое место. Поедем? Что толку болтаться в субботу в городе, конторы все равно закрыты?

— Мы поедем вдвоем? — спросила я.

— Если ты не против, я приглашу Витю с Игорем...

— Я против, — сказала я спокойно. — Разумеется, вы можете отправляться на озеро, а я, пожалуй, останусь здесь.

— Тебе они не нравятся? — нахмурилась Светлана.

— Нравятся, но не настолько, чтобы я проводила с ними время на даче.

— Господи, да что такого? — всплеснула она руками. — Они нормальные ребята, даже не думай...

— Я и не думаю, — пожала я плечами.

— Хорошо, — вздохнула Светлана. — Возьмем одного Игорька, кто-то должен организовать нам шашлыки.

На следующее утро они заехали за мной на Светланином «Опеле». До Сергиевского озера было километров двадцать. Пейзаж выглядел живописно: березовая роща, чуть дальше скопление высоких сосен. Дача стояла на высоком берегу в полукилометре от деревушки — двухэтажное деревянное строение в виде русского терема с резным крыльцом, баней и колодцем во дворе. Когда мы подъехали к палисаднику, на крыльце появился мужчина, видимо хозяин

дачи. Высокий, лет тридцати пяти, с интеллигентным лицом и ранней лысиной. Глаза из-за стекол очков смотрели оценивающе.

— Знакомься, — сказала Светлана. — Это Кирилл Сергеевич, а это моя подруга Наташа. Она приехала из Душанбе, и у нее ностальгия по русским пейзажам.

— О, этого у нас сколько угодно, — улыбнулся Кирилл Сергеевич, пожимая руку Игорю, а на меня посмотрел очень внимательно, как будто задался целью определить, что у меня в голове, но сказал только: — Очень рад.

Человеком он оказался сдержанным и в общем-то приятным. К вечеру, прогуливаясь вдоль озера, мы разговорились (он в основном задавал вопросы, а я отвечала) и остались довольны друг другом.

Утром мы опять гуляли, потом катались на лодке, и Кирилл Сергеевич кое-что рассказал о себе. Он окончил политехнический институт, по образованию архитектор (дом построен по его проекту). Потом вдруг понял, что архитектура не его призвание, и круто изменил свою жизнь. Где работает в настоящее время, сообщить не пожелал, впрочем, я и не спрашивала. Чувствовалось, что человек он далеко не бедный и наделенный властью: Светлана в его присутствии как-то затихала, а Игорек и вовсе выглядел меньше ростом. Когда мы катались на лодке, Кирилл Сергеевич заявил:

— О работе не беспокойтесь. И с квартирой поможем. Продавайте жилье в Душанбе и перебирайтесь насовсем.

Я ничего не ответила, только улыбнулась про себя, пытаюсь решить: то ли мне в жизни

необыкновенно повезло на хороших людей, то ли... вот это самое «то ли» очень меня занимало. Денег у меня немного, ни друзей, ни ценных знакомых, вообще никого, так что видимый интерес отсутствует. Тогда что? Выходит, мне в самом деле попались очень душевные люди?

Хотя Светлана и называла Кирилла Сергеевича своим приятелем, никакой близости между ними не было и в помине. Скорее даже наоборот: в какой-то момент, наблюдая за ними, я решила, что Светлана его боится, а он относится к ней откровенно пренебрежительно. Игоря же он вообще замечал, только когда требовалось выполнить какую-нибудь работу: вымыть шампуры после шашлыков или вынести кресла на веранду. Мне бы вряд ли пришло в голову отдыхать в доме человека, который с трудом различает гостей на фоне мебели, впрочем, ко мне он отнесся в высшей степени гостеприимно и своего интереса не скрывал. Знать бы еще, какого рода этот интерес... Перед обедом Кирилл Сергеевич спросил мой номер телефона в гостинице, аккуратно записал его в книжечку и улыбнулся.

— Ждите звонка. Надеюсь, смогу вас порадовать. — Я принялась его благодарить, а он, смеясь, сказал: — Лучше выпейте за мое здоровье, — и пригласил нас к накрытому в саду столу.

Хотя на правах хозяина приглашал он, шеф-поваром был Игорь и, честно говоря, сумел произвести впечатление. Мы выпили две бутылки красного вина, арктический холод исчез из глаз Кирилла Сергеевича, и он лихо рассказал пару

смешных анекдотов, после чего слово взял Игорь и до самого вечера веселил нас различными историями, запас которых был у него неистощим. Теперь собравшиеся за столом в самом деле походили на друзей, и тревожные мысли меня оставили.

— Я вас сейчас своей настойкой угощу, — заявил Кирилл Сергеевич и вынес из дома хрустальный графин. Жидкость в нем по цвету напоминала коньяк. — Давайте-ка по рюмочке...

Настойка оказалась крепчайшей, у меня даже слезы на глаза навернулись. Похвалив хозяина, Игорь предложил повторить и повторил, а мы со Светой отказались: ей предстояло вести машину, а я к выпивке всегда была равнодушна, а вот головную боль по утрам не жаловала. В конце концов Игорь выпил в одиночку почти весь графин, и в машину его буквально загружали. Он с комфортом устроился на заднем сиденье и вроде бы уснул. На сборы ушло минут пятнадцать, и вскоре Кирилл Сергеевич уже провожал нас. Он еще раз велел мне ждать звонка и помахал рукой, а Светлана лихо рванула с места. Машину вдруг начало кидать из стороны в сторону, Светлана смеялась и вообще вела себя странно. Тут я подумала, что выпила она довольно много, и забеспокоилась. Лесная дорога не предполагала, что по ней будут нестись на скорости сто двадцать, и езда больше напоминала скачки.

— Мы ведь не очень торопимся, — заметила я.

— Извини. — Светлана сбросила скорость. — Иногда так приятно прокатиться с ветерком... Хочешь сесть за руль?

— Нет, спасибо, — ответила я, хотя и поду-

мала, что в данной ситуации это было бы разумно.

— Чего ты, попробуй, здесь ни души... ни встречных машин, ни милиции. Садись...

Минут пять она меня уговаривала, а машину все это время швыряло по дороге.

— Перестань валять дурака, — не выдержала я.

— А мне нравится так ездить. Ну, сядешь за руль или нет?

— Хорошо, — согласилась я. Мы поменялись местами. Быстро стемнело, я включила дальний свет, но тут выяснилось, что левая фара вообще не горит, а правая только в режиме ближнего света. — Что у тебя со светом? — проворчала я.

— А... — отмахнулась Светлана. — Ерунда. Доедем. Слушай, какого черта ты еле плетешься? Это «Опель», а не паршивая «копейка»!

Она хохотнула и прижала ногой мою ногу к педали газа. Машина рванулась вперед.

— Прекрати, — разозлилась я. Машину повело вправо, я с трудом ее вывернула и зло повторила: — Прекрати.

Светлана засмеялась и, продолжая давить на газ, потянула руль на себя.

— Ты спятила! — рывкнула я и оттолкнула ее локтем. Все происходящее здорово напоминало неожиданный припадок безумия. Она вдруг убрала ногу с педали, потом обняла меня за шею и смачно поцеловала. — Чокнулась, — отстраняясь, пробормотала я. — Не можешь ты быть такой пьяной. На даче ты была в норме...

Не успела я договорить, как слева мелькнуло что-то темное, я охнула, нажала тормоз, услышала чей-то крик, а потом и сама заорала, на

долю секунды увидев в лобовом стекле бледное лицо с обезумевшими от ужаса глазами. Машина продолжила движение, я пыталась ее остановить, но Светлана вновь нажала педаль газа и крикнула:

— Ты что, рехнулась? Сматываемся отсюда...

— Господи, я сбила человека, — выдохнула я, боясь, что сейчас упаду в обморок.

— К черту, это просто бродяга.

На какое-то время я словно оцепенела от ужаса, а машина продолжала нестись вперед — руль держала Светлана.

— Останови, — собравшись с силами, сказала я. — Останови машину, мы должны вернуться...

— Свихнулась? — Лицо ее побелело как мел и стало таким злым, что казалось уродливым. — В машине трое подвыпивших граждан, возвращающихся с шашлыков, да нам отвесят на всю катушку!

— Этот человек, возможно, нуждается в помощи. Вернемся и отвезем его в больницу...

— Может, ты такая честная, а мне своя шкура дороже. Мне не нужны заморочки с милицией! Это какой-то бомж. Кому еще придет в голову шляться ночью в лесу? Сматываемся отсюда и забудем об этом.

Тут мне все-таки удалось остановить машину.

— За такие вещи положена тюрьма, — срывающимся от злости голосом сказала я.

— Точно. Ты в ней окажешься очень быстро, если дурака валять не перестанешь. Это ты его сбила, ты! Проведут экспертизу — сколько ты сегодня выпила? Ну-ка, вспомни! Вполне до-

статочно для того, чтобы вклеить тебе срок на всю катушку, и мне достанется, машина-то моя... Если тебе наплевать на свою жизнь, то о моей хотя бы подумай, у меня выставка на носу, на кой черт мне эти разборки с милицией?

Она уже орала во весь голос, а я вдруг почувствовала пустоту в груди и странное спокойствие.

— Мы должны вернуться, — дождавшись, когда она перестанет кричать, сказала я. — Понимаешь, должны.

— Не понимаю, — отрезала она. — Если ты хочешь взглянуть на этого бродягу — пожалуйста. Но только не на моей машине.

— Это глупо, — стараясь говорить спокойно, покачала я головой. — Тебе все равно придется беседовать с милицией...

— Иди ты к черту! — рывкнула она и отвернулась, а я вышла из машины и торопливо зашагала назад.

Было довольно темно, я ускорила шаг и теперь почти бежала. От места происшествия мы отъехали метров на пятьсот-шестьсот. Меня бил озноб: вот сейчас увижу искалеченное тело на дороге, кровь... Вот две сосны в виде английской V, значит, совсем рядом... Я прошла еще метров триста — дорога была абсолютно пустынна. Несмотря на темноту, не заметить тело человека я не могла. Значит, ударом его отбросило далеко в сторону. Задыхаясь от волнения, я пошла по обочине. Совсем рядом довольно глубокая канава, а потом заросли молодых березок. И ничего, что указывало бы на недавнюю трагедию. На поиски я потратила не меньше сорока минут, в изнеможении прива-

лилась к шероховатому стволу сосны и с тоской посмотрела в небо. Звезды взирали равнодушно, а мне захотелось плакать. Я различила тусклый свет единственной фары, а вскоре услышала шум мотора: Светлана все-таки решила вернуться.

— Ну что? — бросила она хмуро, затормозив рядом со мной.

— Никого нет.

— Слава богу... Значит, он очухался и смылся. Говорю, это какой-то бродяга, они живучие... Садись в машину.

Я покорно села, продолжая вглядываться в темноту, а Светлана стала разворачивать «Опель». На узкой дороге это было нелегким делом, на мгновение свет единственной фары выхватил из темноты силуэт... машина, кажется... Я так и не успела разглядеть, а потом усомнилась: какая, к черту, машина, что ей делать в стороне от дороги в такое время?

Благополучно развернувшись, Светлана направилась в сторону города. Теперь она ехала очень осторожно, стрелка спидометра застыла на отметке семьдесят.

— Господи, ну надо же... — пробормотала она, когда мы выехали на шоссе, посмотрела на меня и виновато добавила: — Извини, я, кажется, себя вела не лучшим образом... я здорово испугалась...

— Я тоже, — вздохнула я. — Не могу понять, куда он делся?

— Значит, задело его несильно, иначе он не смог бы так быстро очухаться и сбежать.

— Куда он сбежал, по-твоему?

— Откуда мне знать? Наверное, в эту дере-